

УДК 1(091)

В.В. Фурсов

Порфирий о Пифагоре. Цепь неожиданных аналогий

О Пифагоре мы знаем очень немного. Он уникальная фигура в античной философии. Нам мало что известно о содержании его доктрины, но жизнеописания, которые дошли до нас, содержат массу интереснейших и уникальных фактов, которые заставили по-новому взглянуть на эту историческую личность и на учение, которое он попытался принести.

Ключевые слова: аскетика; античные практики; социальные технологии; пифагорейская школа; дохристианские учения.

Когда мы говорим о древних, о великих, бывает трудно отличить, где вымысел, где правда. Но таковы уж есть античные источники, где люди часто так похожи на богов, что и воспринимаются как боги. Ну а бывает так, что и не только воспринимаются, но и считаются богами, своими современниками по крайней мере. И как бы к этому сегодня мы ни относились, Олимп был близок для людей когда-то. Сейчас нам трудно постигнуть образ мыслей древних, но зададим один вопрос: как велики должны быть достижения такого человека, как впечатляющи и вместе с тем неправдоподобны, чтобы вполне нормальным, психически здоровым людям другой эпохи захотелось бы причислить одного к богам?

Такое можно понять и объяснить, когда заходит речь об императорах, тиранах и владыках, силой власти и жестокости добившихся от подданных такого «почитания». История содержит множество примеров «божеств», забытых всеми, за исключением историков, но есть и те, кого подняли на божественный Олимп благодаря уважению людей, граничащему с религиозным поклонением непостижимой мощи. И это сделало их вечными, живущими донныне и снискавшими такие атрибуты божества, как настоящее бессмертие в сердцах и памяти людей.

Мы будем говорить о Пифагоре — философе, чья жизнь полна мистики и тайн настолько, что обросла легендами. И главное, мы точно знаем, что это

был обычный «необычный» человек — не сын богов, хотя ему приписывали рождение от Аполлона и Пифаиды [1: с. 307]. Мы знаем о Пифагоре, что с детских лет он «оказался способен ко всем наукам», как написал о том Порфирий, но нам неизвестно, кто были его отец и мать.

Не очень много сохранилось о нем источников, сам он не писал трудов, ведь «боги» письменных трудов не оставляют, предпочитая оставлять следы немного на других носителях, которые не очень просто уничтожить, фальсифицировать, переписать, — в сердцах их современников. Повествование о Пифагоре выводит на высокий стиль, хотя статья имеет и практический характер. Основной вопрос, который нами ставится о Пифагоре, — не кто он, а как он мыслил. Не кто такой он был, а как он стал таким. Все знают Пифагора и одновременно о нем почти не знают ничего. По маленьким обрывкам описаний мы все же попытаемся понять его систему самосовершенствования и путь от человека к божеству.

Порфирий пишет в начале своего повествования, что Пифагор учился у многих учителей. Основа известности Пифагора — знания, а не божественное происхождение. Врожденными способностями к наукам он не был одделен, как уже упоминалось. Порфирий пишет, что он учился у халдеев в Тире, где овладел их знаниями, и добавляет слово *всеми* (их знаниями). Халдеи (Chaldaei, Χαλδαῖη) — жители Вавилонии, известные познаниями в астрономии. (Впоследствии в Риме халдеями стали называть гадателей по звездам). Халдеи, кстати, говорили на арамейском языке (невольно приходят аналогии...) и представляли жреческую касту. Халдейская культура восходит к Вавилону, однако не вполне понятно, что от нее осталось в то время, когда туда пришел учиться Пифагор. По-видимому, та наука была не очень-то трудна для молодого Пифагора.

Далее у Порфирия написано, что он учился у Ферекида (Сиросского), Гермодаманта и Анаксимандра. Первый известен как носитель знаний о космогонии, которые он получил из тайных финикийских книг (Климент Александрийский), второй — знаток гармонии и муз, а третий известен как астроном и математик, создавший геоцентрическую модель Вселенной.

Итак, Порфирий пишет: «Что касается его учения, то большинство писавших утверждают, что так называемые математические науки он усвоил от египтян, халдеев и финикийян (ибо геометрией издревле занимались египтяне, числами и подсчетами финикийяне, а наблюдением небес — халдеи), а от магов услышал о почитании богов и о прочих жизненных правилах» [1: с. 417]. Отсюда можно сделать вывод о том, что Пифагор в себе соединил как точные науки той эпохи, уходящие корнями в египетскую и финикийскую культуры, науки о космосе халдеев, так и блок теологического знания от магов и жрецов различных религий и культур. Сейчас мы разделяем эти блоки, причисляя одни — к науке, другие — к сомнительной науке, третьи — к искусству, четвертые — к религии, но главное нужно понимать, что этих разделений в то время *не существовало*. Все это было частями (а может быть, остатками) какого-то

единого и целостного знания о мире, природе и человеке, которое в самом себе Пифагор смог снова объединить. И сделав это, он начинает путь к вершине педагогического мастерства — передаче этих знаний другим.

По сути, это стандартный путь любого мудреца-ученого из тех времен. Чем обладает человек, отдавший долгие годы постижению наук? Одним лишь знанием, которое он может передать. И мало ли было таких учителей? Но учеников в условиях свободной конкуренции необходимо было привлечь и заинтересовать. Следуя, возможно, не очень здесь уместной аналогии, давайте вспомним, как набирал учеников другой Учитель, говоривший на арамейском языке, показывая то, что не могли другие, и этим способом привлекал и мотивировал людей учиться у Него и следовать за Ним.

Имеет смысл сказать немного о том, какой Пифагор имел образ жизни, понимая, что образ жизни — часть его учения, и если хотите — метод. Продолжим цитату из Порфирия: «Первое (науки. — *Примеч. авт.*) знакомо многим, потому что записано в книгах; зато прочие жизненные правила известны менее» [1: с. 417]. И далее: «О чистоте своей он так заботился, что избегал и убийств и убийц; не только воздерживался от животной пищи, но даже сторонился поваров и охотников» [Там же]. Сейчас любой, знакомый с богословскими науками, назвал бы данный образ жизни аскетическим.

И действительно, **аскетика, аскетическое богословие** есть богословская дисциплина, изучающая и разрабатывающая принципы и методы тренировки человеческого тела и воли в целях очищения души от страстей и греховных помыслов и подчинения тела человека его воле, его духу, формирования целомудренной личности. Задача аскетической жизни — очищение сердца и ума для принятия Бога всем человеческим существом, богообщения и в конечном счете обожения [2]. Аскетика как путь к богоподобию ведет свои истоки от евангельских повествований о Предтече, о пребывании Христа в пустыне, к Лестнице Иоанна Лествичника и к практике монашеского жития. Вот только здесь другое время, другой исторический период. Почти что пять столетий до Христа, а законы *обожения* те же! Такой же узнаваемый и очень похожий путь аскетики и очищения, включая практику *затворничества*, когда Пифагор в полном одиночестве пробыл в пещере на протяжении 27 дней.

Далее мы читаем у Порфирия о результатах этого труда Пифагора, совмещающего аскетику, искусство и науки. Во-первых, он упоминает знания о человеке: «Пифагор первый достиг такого знания человека и умения распознавать природу каждого, что ни с кем не дружил и не знакомился, не определив по лицу, каков этот человек» [1: с. 418]. Знания его дают результаты. Они практичны: «...он и помог самосскому атлету Евриму, который благодаря Пифагоровой мудрости, несмотря на свой малый рост, сумел осилить и победить на Олимпийских играх многих рослых противников» [Там же]. Начиная с практических советов по достижению желаемого через аккумуляцию телесной силы для победы в играх, Пифагор продвигает далее своего ученика по духовному пути наставлением *бороться, не имея целью побеждать*.

Так Пифагор ведет ученика вверх по ступеням духовных смыслов: от цели осязаемой, практической, рациональной и понятной каждому, к вопросам сложным, более глубоким — к духовному развитию, системе высших ценностей.

Со временем, следуя таким путем, Пифагор приобретает те качества, которые закономерно привлекают к нему народ и множество учеников. «Он так привлекал к себе всех, что одна только речь, произнесенная при въезде в Италию, пленила своими рассуждениями более двух тысяч человек; ни один из них не вернулся домой, а все они вместе с детьми и женами устроили огромное училище в той части Италии, которая называется Великой Грецией, поселились при нем, а указанные Пифагором законы и предписания соблюдали ненарушимо как божественные заповеди. Имущество они считали общим; а Пифагора причисляли к богам» [1: с. 419]. Что-то подобное мы где-то уже читали, а именно в «Деяниях Апостолов» из Нового Завета.

Все это до странности похоже на жизнь и служение Иисуса Христа, с одной лишь разницей, что об этом нам известно от евангелистов, а о содержании того, что делал и говорил Пифагор собравшимся, упоминаний нет, кроме того, что некая существенная часть учения именовалась «Тетрактидой». Однако результат настолько узнаваем, что и здесь нам трудно удержаться от все тех же аналогий и констатировать, что Пифагор проявил такие способы воздействия на образ мыслей и сознание людей, нашел такие аргументы и демонстрации, что, не обладая реальной властью, сплотил огромное количество людей вокруг идеи, которую он нес, и был примером действия последней. Фактически он создает *общину* своих последователей.

И далее, другой закономерный шаг из этой серии аналогий — преобразование мира, окружающего общества. Порфирий пишет о том, что Пифагор становится способен воздействовать не только на *массовое сознание*, но и на *социально-политические* процессы, взаимоотношения между городами-государствами: «он увидел, что города Италии и Сицилии находятся в рабстве друг у друга, одни давно, другие недавно, и вернул им вольность, поселив в них помышления о свободе через своих учеников, которые были в каждом городе» [Там же].

«Так он освободил Кротон, Сибарис, Катанию, Регий, Гимеру, Акрагант, Тавромений и другие города, а некоторым, издавна терзаемым распрями с соседями, даже дал законы через Харонда Катанского и Залевка Локрийского. А Симих, тиран Кентурии, после его уроков *сложил свою власть* и *роздал свое богатство*, частью — сестре, частью согражданам» [Там же]. Даже луканы, мессапы, певкетии, римляне, по словам Аристоксена, приходили к нему. «И не только через своих друзей умирал он раздоры внутренние и междуособные, но и через их потомков во многих поколениях и по всем городам Италии и Сицилии» [1: с. 419], как далее пишет Порфирий.

Следуя снова той же «неожиданной» аналогии, можно было бы сказать, что так реализуется «проповедь Пифагора», передача миру его учения: «Ибо для всех, и для многих и для немногих, было у него на устах правило: *беги от всякой хитрости, отсекай огнем, железом и любым орудием от тела*

болезнь, от души — невежество, от утробы — роскошество, от города — смуту, от семьи — ссору, от всего, что есть, — неумеренность» [1: с. 419]. И это учение у Пифагора подкреплялось самым настоящим «чудотворением», которое есть высший способ убедительности (хотя и не наивысший).

Об этом мы у Порфирия читаем следующее: «Если верить рассказам о нем старинных и надежных писателей, то наставления его обращались даже к бессловесным животным. В давнийской земле, где жителей разоряла одна медведица, он, говорят, взял ее к себе, долго гладил, кормил хлебом и плодами и, взявши клятву не трогать более никого живого, отпустил; она тотчас убежала в горы и леса, но с тех пор не видано было, чтобы она напала даже на скотину» [Там же]. Таковы рассказы про быка, послушавшегося Пифагора, про орла, слетевшего к нему во время Олимпийских игр, про рыбаков и их улов, про реку Кавкас, которая поприветствовала его при всех внятными и громким голосом. В один и тот же день он был и в италийском Метапонте, и в сицилийском Тавромении, и тут и там разговаривая с учениками, хотя от одного города до другого был большой путь по суше и по морю. «Рассказывают также и о том, как он безошибочно предсказывал землетрясения, быстро останавливал повальные болезни, отвращал ураганы и градобития, укрощал реки и морские волны, чтобы они открыли легкий переход ему и спутникам; а у него это переняли Эмпедокл, Эпименид и Абарид (ученики. — *Примеч. авт.*), которые тоже все делали подобное не раз, как это явствует из их стихов...» [1: с. 420–421]. Ну чем не божество?

Что наступает после славы? Мы знаем, что было после славы у Христа. Предательство, распятие, смерть, воскресение и Церковь, носящая учение, преобразившее весь мир.

У Пифагора тоже была слава. Порфирий пишет: «Пифагор со всеми друзьями немалое время жил в Италии, пользуясь таким почтением, что целые государства вверяли себя его ученикам» [1: с. 425]. Чем это не влияние, не слава? И также мир преобразуется, воспринимая идеи Пифагора, его учение, но о котором, по сути, мы не знаем ничего. В житейской нашей памяти осталось только то, что был он математик и все сводил к числу. Но тогда откуда все те чудеса, которые он демонстрировал и, как писалось выше, передавал своим ученикам, а те успешно повторяли? Это означает лишь одно: учение, которое он проповедовал и нес, *являлось действенным, реальным, объективным* и достоверно описывающим мир. Иначе бы не дало оно таких плодов. Иначе к Пифагору никто бы не пошел.

Сравнение с великими мыслителями той эпохи, увы, не в пользу последних. Была ли у Платона и Аристотеля такая слава, такое множество учеников, такой успех? А о других и более того никто не знает, за исключением историков от философии. Мало того, мы у Порфирия находим упоминания о том, что большинство открытий Пифагора были развиты Платоном, Аристотелем и др. (они и называли себя пифагорийцами) и таким образом стали классикой античной философии. Порфирий упоминает об этом весьма дипломатично,

ссылаясь на слова пифагорийцев, но в жизнеописаниях Платона и Аристотеля мы видим отдельные не очень успешные попытки применить на практике некоторые из «социальных технологий» Пифагора. Теперь едва ли возможно восстановить что-либо целостное из социальной доктрины Пифагора. Такая грустная, досадная закономерность.

Читая у Порфирия о том, как истребляли школу Пифагора, невольно на ум приходит мысль, какие обширные ресурсы были задействованы на эту «операцию по ликвидации» пифагоризма. Гонения на Пифагора и его учеников были открыты повсеместно. Имя стоявшего за этим человека Порфирий называет, но мы его упоминать не будем по двум причинам: во-первых, он недостоин жизни в нашей памяти, а во-вторых, характер, масштаб и география событий говорят о том, что Пифагор затронул интересы очень мощной и влиятельной системы, не сводимой к одному лишь человеку. Настоящая война на истребление была открыта против всех пифагорийцев, численность которых, надо полагать, была немалой и авторитет был весьма высок. Сообщение Порфирия о повсеместных *мятежах*, организованных во многих городах против пифагорийской школы, подтверждает ранее им сказанное о том, что под управлением учеников философа были и города, и государства.

Возвращаясь к аналогиям, отметим, что Иисус действовал почти на пять столетий позже и «успешней» Пифагора: с христианством справиться не получилось несравненно более могучим силам. Здесь мы не ставим целью сравнивать эти две системы взглядов. Но тем не менее при разнице в деталях параллели очевидны. И так же очевидна схожесть многих целей, методов и средств, касающихся обожения человека. Пифагор не старался стать богом. Впрочем, вряд ли ставил он такую цель. Зато обожение человека является одной из главных задач христианства.

Пифагор прошел свою дорогу в вечность. И все-таки оставил людям более чем просто память о себе. Когда-нибудь откроется разгадка пифагорова «пути на небо» и вернется человечеству его учение об «эвритмии» для желающих постигнуть ритмы бытия. Возможно, мы когда-нибудь доподлинно поймем то, как число является основой мира, в котором мы живем. Мы видим, с каким трудом прорывалось когда-то учение Пифагора. И как оно, возможно, в конце концов вошло в наш мир другим путем и действует...

Литература

1. *Порфирий*. Жизнь Пифагора // Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / пер. М.Л. Гаспарова; ред. тома и авт. вступ. ст. А.Ф. Лосев. 2-е изд. М.: Мысль, 1986. С. 400–432. (Философское наследие).
2. Православие: словарь-справочник. М.: Феникс, 2011. 224 с.

Literatura

1. *Porfirij*. Zhizn' Pifagora // Diogen Lae'rtskij. O zhizni, ucheniyax i izrecheniyax znamenity'x filozofov / per. M.L. Gasparova; red. toma i avt. vstup. st. A.F. Losev. 2-e izd. M.: My'sl', 1986. S. 400–432. (Filosofskoe nasledie).
2. Pravoslavie: slovar'-spravochnik. M.: Feniks, 2011. 224 s.

V.V. Fursov

Porphyry on Pythagoras. The Chain of Unexpected Analogies

We know very little about Pythagoras. He is a unique figure in ancient philosophy. We do not know much about the content of his doctrine, but the biographies that have come down to us contain a lot of interesting and unique facts that led to a new look at this historical figure and the doctrine that he tried to establish.

Keywords: asceticism; ancient practices; social technologies; the Pythagorean school; pre-Christian doctrines.